

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ник Смит

Borradori G. Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Через месяц после 11 сентября 2001 года в Манхэттене Джованна Боррадори взяла интервью у Хабермаса и Деррида, получившаяся книга повествует о состоянии континентальной философии и всего мира. На восемнадцати страницах бесед с Хабермасом и пятидесяти одной с Деррида Боррадори открывает нечто неожиданное и важное: обычно противопоставляемые философы поддерживают принципы Просвещения, верят, что на этих принципах должны быть основаны международные институты, а также осуждают внешнюю политику США как опасное безумие. Поэтому мы задаемся вопросом, доказывают ли, в конце концов, эти интервью родство между Хабермасом и Деррида, или реакция на события 11 сентября настолько очевидна, что здесь даже эти философы имеют схожие точки зрения. В любом случае, Хабермас и Деррида развивают поднятые темы в единой декларации европейского сопротивления американскому унилатерализму, которая была опубликована в ведущих немецких, французских и итальянских газетах под названием «Наше обновление после войны: второе рождение Европы».

Как и в книге «Американские философы», Боррадори весьма корректно задает фундаментальные и содержательные вопросы¹. Несмотря на то, что Холокост повлиял на дальнейшее развитие философии, Хабермас и Деррида все же разделили современную мысль на два направления². Оспаривая заявление Адорно, что инструментальная

Continental Philosophy Review. 2003. № 36. P. 335-350. Мы благодарим редакцию журнала «Continental Philosophy Review» и издательство «Springer» за любезное разрешение на перевод и публикацию статьи, а профессора Н. Смита — за любезно предоставленный материал и консультации при переводе.

© N. Smith, 2003.

© М.Н. Богданова, перевод, 2008.

¹ The American Philosopher: Conversations with Quine, Davidson, Putnam, Nozick, Danto, Cavell, MacIntyre, and Kuhn. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

² Borradori G. Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida. Chicago: University of Chicago Press, 2003. P. 10.

рациональность овладела Просвещением, Хабермас говорит, что Холокост не был прямым следствием модернизации, а стал ошибкой, которая произошла из-за ее незавершенности. Деррида же, напротив, отрицательно относился к Просвещению из-за преобладания в нем рационализаторских тенденций, которые порождают эндемическое насилие. После выхода в свет книги Хабермаса «Философский дискурс о модерне» (1986 г.), где он, в противоположность Деррида и другим, защищает принципы Просвещения, разница во взглядах этих философов стала очевидна¹. Или так казалось. Боррадори, получившая образование с глубоким изучением европейской философии, признается: «Как многие философы, принадлежащие к поколению 1980-х, я выросла с убеждением, что Хабермас и Деррида имеют резко противоположные взгляды на Просвещение: Хабермас защищает его, а Деррида осуждает». Теперь она верит, что «преобладающее мнение о том, что Деррида — противник Просвещения, попросту ошибочно»². Всегда ли Деррида был сторонником Просвещения или в какой-то момент он изменил свое мнение?

Воинствующие религиозные фундаменталисты отрицательно относятся к секуляризации и модерну. Поэтому Боррадори подчеркивает, что и «философия, призывающая к оружию», и основные положения ее книги говорят, что нужно анализировать 11 сентября, «начиная с критического осмысления принципов и идеалов Просвещения»³. Она обращается за комментарием к Деррида, и тот отвечает искренне. Даже если не учитывать такие вещи, как «жестокость, обесценивание человеческой жизни, неуважение к закону, к женщинам, характерные для технокапиталистического модерна и способствующие развитию религиозного фанатизма», Деррида находит, что ориентация на таких, как Бен Ладен, недопустима, прежде всего, из-за нарушения этим самых абстрактных принципов Просвещения: «Если в основу преобразований общественной или политико-юридической областей мы можем положить любую веру... в этом нет ничего хорошего»⁴. Когда речь заходит о выборе между Просвещением и фундаментализмом, Деррида обращается к кантианскому космополитизму:

Если мне придется выбирать между ними — хорошо, я сделаю выбор. Учитывая мою сдержанность в отношении американской, тем более европейской, политической позиции... я бы предпочел присоединиться к лагерю, который принципиально следует закону и отказался от мысли говорить от имени политики, демократии, международного права, международных институтов и т.д.⁵

Последователи Хабермаса вынуждены согласиться с Деррида, когда тот говорит, что теперь задача философа заключается в том, чтобы «отличать "постижение" и "оправдание", разумно рассуждать об этих вопросах и требовать ответственности от тех, кто говорит от имени общественного дискурса, языка и институтов международного права»⁶.

Теперь Деррида с Хабермасом вместе выступают за укрепление и расширение международного свода законов, на который сможет опираться глобальный космополи-

¹ *Philosophical Discourse of Modernity*. Trans. Frederick Lawrence. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1986.

² Borradori G. *Philosophy in a Time of Terror*. P. 15.

³ *Ibid.* 1.

⁴ *Ibid.* P. 113.

⁵ *Ibid.* P. 113.

⁶ *Ibid.* 106.

тизм, основанный на гражданских правах человека. Хабермас уже подробно разъяснял свою систему международного права, но здесь он обращает особое внимание на незаконные проволочки в организации международного уголовного суда¹. Его слова, сказанные задолго до вторжения США в Ирак, до второй резолюции ООН и оценки Дональдом Рамсфельдом действий ООН как «неадекватных», звучат пророчески:

Вели решения Совета Безопасности блокируются... и если такой региональный союз, как НАТО, может действовать без мандата, в таком случае существует огромная разница между законной, но не пользующейся авторитетом властью международного сообщества, и военной силой этнических государств, используемой в их собственных интересах².

Деррида соглашается, что в настоящее время международные институты обладают небольшим авторитетом и «нигде не уважаются» из-за прецедента, созданного США, которые игнорируют их по своему желанию. Если добавить к этому злоупотреблению недостатки антиамериканских механизмов и «апории сопоставления всех законов», то идея об автономной власти международных судов становится, согласно Деррида, утопичной мечтой³.

Высказывая такие разные мнения, ни Хабермас, ни Деррида не одобряют непосредственный ответ Соединенных Штатов на нападения. Для начала оба признают ощущение, далекое от того, которое Хабермас описывает как «впечатляющую американскую открытость к чужакам»⁴. Оба чувствовали, будто они не могут свободно говорить о событиях, происходящих в это время в США, и Хабермас видит вопиющее противоречие в этом очевидном требовании «безоговорочно поддерживать [Соединенные Штаты Америки]». «Даже те, кто имел неоспоримый авторитет, как я среди своих американских друзей, — предупреждает Хабермас, — должны были быть осторожны в своей критике»⁵. Эти препятствия критике существуют вопреки общему духу коммуникативного действия.

Оба оценивают администрацию Буша как политически неграмотную, некстати религиозную и руководствующуюся жадностью. Хабермас находит декларацию войны с терроризмом «серьезной ошибкой», придающей террористам статус политически легитимных противников, непобедимых из-за их ризоматичной природы. Это впутывает США в бесконечную войну с неодолимым врагом. Что еще важнее, преувеличенная реакция Америки на этого темного врага угрожает ее либерально-демократическому управлению у себя дома и пятнает ее отношения с другими странами, играя на руку надеждам террористов подорвать и очернить США.

Мотивирование американской внешней политики личными интересами делает США легкой добычей для демонизации. Хабермас и Деррида соглашаются, что международные институты правосудия врачуют лишь симптомы, свидетельствующие о порождающей терроризм эпидемии бедности. Пока не достигнут жизненно важный уровень глобального материального равенства, разговоры американцев о правах человека

¹ Borradori G. *Philosophy in a Time of Terror*. P. 55. See: *Between Facts and Norms*. Trans. William Rehg. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1996.

² Borradori G. *Philosophy in a Time of Terror*. P. 39.

³ *Ibid.* P. 114.

⁴ *Ibid.* P. 26.

⁵ *Ibid.* P. 26.

лицемерны и транспарантны. Хабермас искренне объясняет: «Давайте признаем — Запад представляет собой форму, лишенную всякого нормативного ядра, пока его забота о правах человека касается только попытки открытия новых свободных рынков...»¹. «Без политического приручения неограниченного капитализма, — продолжает он, — разрушительная стратификация мирового сообщества будет оставаться неизменной», и Запад будет восприниматься как репрессор². Чтобы искоренить терроризм, «различия в динамике мирового экономического развития должны, по крайней мере, быть сбалансированы в отношении их самых разрушительных последствий — лишений и страданий целых регионов и континентов»³. Деррида акцентирует этот пункт и доходит до того, что объявляет саму глобализацию «симулякром, риторической уловкой или орудием, скрывающим нарастающую неустойчивость», потому что «в истории человечества никогда, по большому счету, не было такого неравенства, столь многих случаев недоедания, экологических бедствий или несдерживаемых эпидемий...»⁴. Отбросив иллюзию, что материальное равенство и права человека распространяются со свободным капитализмом, Хабермас обнаруживает, что «администрация Буша следует эгоистичным курсом бессердечной супердержавы»⁵.

Далее Хабермас и Деррида соглашаются, что, отвечая терроризму с религиозным упрямством, Буш делает положение еще хуже. Мало того, что, декларируя войну против терроризма, США попались на удочку, Буш к тому же ведёт священную войну добра против зла, где «они не равны перед Богом»⁶. В то время как, согласно Деррида, религиозная риторика может показаться смехотворной, «ребяческой... ретроградской мистификацией», остальная часть мира видит, что нация перешла грань между церковью и государством, и руководствуется в своём официальном политическом дискурсе библейскими (прежде всего, христианскими) референциями ...»⁷. Для Хабермаса это «неоконсервативное разделение труда между религиозным фундаментализмом и опустошительной секуляризацией» оставляет США без международной нормативной власти⁸.

Чтобы восполнить эту брешь в доверии, оба призывают Европу стать доминирующей силой в международном правосудии, поскольку она, как заявляет Деррида, имеет «абсолютно оригинальное» понимание «отношений между политическим и теологическим» в связи с ее культурной историей, способствовавшей переходу к гражданским формам политического легитимизма⁹. Хабермас и Деррида подчеркивают эту потребность в единой европейской идентичности и ответе на американский унилатерализм в своей декларации «Наше обновление после войны», но многие вопросы остаются без ответа даже в этом усовершенствованном варианте. Они идентифицируют протестующих, вышедших на улицы 15 февраля 2003 года, с духом мобилизованной Европы, но действительно ли эти люди представляют объединенную Европу? Включает ли эта концепция Великобританию, Испанию или Италию? Возможно, меньше, чем США,

¹ Ibid. P. 33.

² Ibid. P. 36.

³ Ibid. P. 36.

⁴ Ibid. P. 121-123.

⁵ Ibid. P. 27.

⁶ «Address to a Joint Session of Congress and the American People», September 20, 2001.

⁷ Borradori G. *Philosophy in a Time of Terror*. P. 99, 117.

⁸ Ibid. P. 33.

⁹ Ibid. P. 116-117.

но Европа тоже раздроблена; и Хабермас, и Деррида говорят от лица Шредера и Ширака, но не от лица Блэра и Берлускони. Подавление Рамсфельдом оппозиции войне в Ираке в немецкой и французской «старой Европе» также не служит хорошим предзнаменованием для будущего значения Европы. Деррида отмечает в интервью, что значимость европейцев не будет расти, пока они не сформируют внушительную единую военную силу, но он, конечно, не подразумевает, что европейцы должны увеличивать расходы на вооруженные силы и сокращать социальное обеспечение, чтобы конкурировать с США в новой гонке вооружений. Это может объяснить, почему они обращаются к Европе с просьбой «балансировать», а не отказываться от американской политики; ведь Ширак, Шредер и Путин уже делали попытку такого урегулирования через ООН, МВФ и Международный банк.

Интервью также позволяют Хабермасу и Деррида высказывать индивидуальные аргументы. Основываясь на том, что он описывает как сдвиг в «модальности веры», Хабермас предоставляет неотразимое объяснение возрождения фундаментализма. В то время как вся религия основана на «догматическом ядре веры», модернизация нуждается в том, чтобы религиозная доктрина подверглась эпистемологическому преобразованию, и, чтобы допустить светскую общественную мысль в пределы плюралистической культуры, приватизирует ее требования политической универсальности¹. По словам Боррадори, «религия должна оказаться перед вызовами релятивизации своей позиции, не релятивизируя свое собственное догматическое ядро»². Согласно Хабермасу, до-модерный фундаментализм, оставшись без своей абсолютной власти, поскольку освободительные обещания Просвещения подвергли его опасности, подвергся «ожесточенному искоренению традиционного образа жизни». Теперь, однако, глобализация ускорила этот процесс, но те, кого попросили отказаться от своего образа жизни, понимают, что капитализм принес им только унижительную бедность. «То, что ощутили в Европе как процесс *продуктивной* деструкции, — объясняет Хабермас, — больше не воспринимается как предвестник компенсации за боль дезинтеграции традиционного образа жизни в других странах»³. Противники в ответ «игнорируют эпистемическую ситуацию плюралистического общества и, не останавливаясь даже перед насилием, настаивают на общеобязательном характере и политической релевантности их доктрины»⁴. Если Запад надеется изменить это, возвратившись к «эксклюзивности до-модерных убеждений», он не сможет соблазнить противников недостижимым и духовно пустым консюмеризмом⁵. Уповая на международные институты правосудия, Хабермас понимает, что «необходимое преобразование менталитета происходит скорее через улучшение условий жизни, через избавление от притеснений и страхов»⁶. Другими словами, чтобы мотивировать Просвещение, нужно выполнить его обещания.

Многие спрашивали Хабермаса, доказало ли 11 сентября неудачу коммуникативного действия, но он остался непоколебим: «Спираль насилия начинается как спираль искаженной коммуникации, которая ведет через спираль неуправляемого взаимно-

¹ **Ibid.** P. 31.

² **Ibid.** P. 72.

³ **Ibid.** P. 32.

⁴ **Ibid.** P. 31.

⁵ **Ibid.** P. 32.

⁶ **Ibid.** P. 36.

го недоверия к разрыву коммуникации»¹. Он утверждает, что, наряду с возможностью материального и интеллектуального освобождения, «в ежедневной коммуникативной практике должно развиваться доверие», и «только тогда в СМИ, школы и дома проникнет по-настоящему эффективное Просвещение»². Однако теории дискурсивной этики и издержки перформативных выпадов против тех, кто отказывается признать убедительные аргументы, пользуются поддержкой у тех, кому выпало жить после коперниканского поворота и оценивать выбор с логической последовательностью, а не с помощью аргументов, предлагаемых властью. Даже при очень хороших взаимоотношениях между Западом и воинствующими религиозными фундаменталистами, их вряд ли поколеблют безбожные аргументы неверующих. Предположение Хабермаса о том, что фундаменталисты не желают присоединиться к процессу модернизации потому, что у них нет стимула, может быть верным; но если эти противники еще не повержены силой аргументов Просвещения, то они остаются вне сферы гражданской политической аргументации как таковой. Даже если фундаменталисты выслушают аргументы, такое доказательство не будет убедительным до тех пор, пока не будет реально продемонстрировано, что модернизация действительно предлагает хорошую жизнь. Но жители Запада должны признать, что в силу существующих социально-экономических условий это будет неверно для большинства Ближневосточных арабских стран в ближайшем будущем.

Деррида перечисляет несколько трактовок значения 11 сентября, выясняя в первую очередь, почему оно обладает таким большим смыслом. Он отмечает, что число жертв сравнительно низкое, полагая даже, что «оно не достигает числа всех погибших сходным образом по всей планете»³. Всемирный Торговый Центр атаковали всего несколько лет назад, в то время как эффектное разрушение этих очевидных целей было совершенно предсказуемо. Хабермас отмечает, что новизна событий состоит в «символической силе пораженных объектов»; Деррида объясняет, что крах Всемирного Торгового Центра буквально дестабилизировал весь мир: «С так называемого "конца холодной войны" мировой порядок в значительной степени зависит от основательности и надежности, от *кредита* американской власти». Поскольку американская власть обеспечивает экономический, научный, военный, информационный, юридический и даже дискурсивный порядок, «дестабилизация этой супердержавы... подвергает риску дестабилизации весь мир, включая открытых врагов США»⁴. Из-за беспрецедентной глобальной власти США, один удар в их сердце заставил целый мир встрепенуться. Кроме того, Деррида идентифицирует 11 сентября с затяжной болезнью, приводящей к невольному повторению событий в СМИ и к нашей неспособности должным образом скорбеть, поскольку события сигнализировали о новом начале, а не о дискретной потере. Для большинства из нас травма была предупреждением:

Может быть, однажды скажут: «11 сентября» — это были старые («добрые») времена последней войны. Тогда все было в порядке по видимости и по сущности! Какой размер, какой размах! С тех пор стало хуже. Нанотехнологии всех видов намного мощнее, они невидимы, неконтролируемы, способны проникать повсюду... И ведь наше подсознание уже осознает это; оно уже знает об этом, и это пугает⁵.

¹ Ibid. P. 35.

² Ibid. P. 36.

³ Ibid. P. 92.

⁴ Ibid. P. 92-93.

⁵ Ibid. P. 102.

Но худшее еще не настало; сценарии Судного дня множатся, а на книжных магазинах Манхэттена появились объявления: «У нас больше НЕТ Нострадамуса».

Деррида не мог не проблематизировать в интервью понятие терроризма. Он напоминает читателям, что Французская Революция и французские репрессии в Алжире (которые были ретроактивно описаны как война, принесшая выгоды ее ветеранам), демонстрируют, как легко может совершаться террор от имени суверена. Поскольку США владеют последним словом в международном праве, они имели возможность, воспользовавшись ситуацией, приспособить скользкие термины для собственной риторики. Как говорят воинствующие фундаменталисты, терроризм — это просто самооборона против другого терроризма. «Я обращаюсь к терроризму как к последнему прибежищу, — так понимает террористов Деррида, — потому что другие еще большие террористы, чем я; я защищаю себя, контратакую; настоящий террорист, худший, — это тот, кто лишит меня любой возможности на ответ до того, как предстанет предо мной; скорее агрессор, нежели жертва»¹. Рассуждая о том, что эти нападения были самообороной против большего американского терроризма, Деррида спрашивает: «Может ли быть терроризм без убийства? Можно ли "позволять умирать", — продолжает он, — не желая знать, что позволяешь умирать другим (сотням миллионов людей от голода, СПИДа, отсутствия медицинской помощи и т.д.), что также является частью более или менее сознательной и преднамеренной террористической стратегии?». Далее он размышляет о том, требует ли терроризм сознательного умысла, или же достаточно преднамеренной небрежности в отношении автоматических последствий американской внешней политики, чтобы установить соучастие американцев в терроре:

Возможно, мы неправы, когда, не раздумывая, предполагаем, что весь терроризм добровольен, сознателен, организован, обдуман, заранее просчитан: существуют исторические и политические «ситуации», в которых террор работает... как бы сам по себе, просто как результат какого-то аппарата, соотношения сил в лом месте, без кого-либо... кто бы действительно руководил им или чувствовал себя в ответе за него.

Согласно этой теории, мы делаем сознательный умысел необходимым условием терроризма, потому что это оправдывает большинство американцев, что иллюстрирует только нашу способность формировать нормативный дискурс.

Два других заявления Деррида менее убедительны. Сначала он утверждает, что США пребывают в муках суицидального процесса «автоиммунизации», где они «работают на разрушение собственной защиты» от внешней агрессии². Во время Холодной войны США действительно обучили многих из тех, кто теперь их атакует, и 11 сентября стало примером американской технологии, перенятой в аэропортах теми, кто учился в их школах. Согласно Деррида, в связи с этим налетчики совершили «два самоубийства в одном: своего собственного... но также самоубийства тех, кто принимал, вооружал и обучал их»³. Кроме того, последовавшая война с терроризмом «восстановит, быстро или медленно, причины зла, которые, по утверждению американцев, они уничтожили», поскольку наша военная машина будет лишь питать в нас ненависть и сотрет порочный цикл репрессий⁴. Однако Деррида не проводит различия между самоубийством и не-

¹ Ibid. P. 107.

² Ibid. P. 94.

³ Ibid. P. 95.

⁴ Ibid. P. 100.

благоразумной, близорукой и контрпродуктивной политикой. Умысел должен быть действующим различием, и этим событиям недостает суицидальной преднамеренности; только если теоретики заговора не правы и 11 сентября не было организовано, чтобы оправдать принятия Программы для Нового Американского Века¹. Но даже это оправдало бы лишь жертву и изменение стратегии, но не самоубийство.

В свете той роли, которую играет международное право в его космополитизме, Деррида снова повторяет свое заявление о невозможности справедливости из-за ограниченности и относительности закона и трансцендентальной бесконечности правосудия². Подтверждая, что он живет «по-кантовски», он заявляет, что мы должны быть «сознательны вне долга», потому что иначе мы подчиняем этическое действие юридическому решению³. Такой «расчет» ослабляет действие закона применительно к дебетной экономике и не позволяет соблюдать множество законов в отношении другого. Однако все это догматически предполагает форму трансцендентальной справедливости, основанной на этическом понятии о различии между людьми, без ведения дебатов между естественным и позитивным законами. Он также не объясняет, как *справедливость Левинаса* можно преобразовать в закон, лишь замечает, что любая легализация того, что он описывает как «безоговорочное приятие», разрушит его⁴. Здесь Деррида ломится в открытые двери.

Следует отметить, что в основном содержание книги Боррадори представляет собой не критическое эссе, связывающее работы, написанные в течение всей жизни интервьюируемых, с их мыслями об 11 сентября, которое является неудачным рассмотрением обильного материала, уязвимым для критики. И, учитывая время интервью, собеседники не смогли обсудить экстраординарные события, произошедшие после нападения и, вероятно, обладающие большей важностью, чем сами нападения. Впоследствии Хабермас, например, заявил, что «американская нормативная власть разрушена» из-за войны в Ираке⁵. В дополнение к сплочению европейского инакомыслия Хабермаса и Деррида в «Нашем обновлении после войны», Славой Жижек внес свой вклад в «*Lettre*», описав американскую политику как абсолютно безнравственную, а Ричард Рорти в «*Suddeutsche Zeitung*» молил Европу «спасти мир» от «пагубной» администрации Буша. В результате в эти бурные политические времена интервью Боррадори уже несколько устарели. Несмотря на эти недостатки, Боррадори создала важную работу, в которой гиганты современной континентальной философии вместе делают шаги к сопротивлению Левиафану неоконсервативных Соединенных Штатов.

Перевод с английского М.Е. Богдановой

¹ См., например: Nafeez Mosaddeq Ahmed, *The War on Freedom: How and Why America was Attacked*, September 11, 2001 (Joshua Tree, CA: Tree of Life Publications, 2002).

² См.: *Force of Law: The Mystical Foundations of Authority / Deconstruction and the Possibility of Justice*. Hds. Drucilla Cornell, Michel Rosenfeld и David Gray Carlson. New York: Routledge, 1992.

³ Borradori G. *Philosophy in a Time of Terror*. P. 133-135.

⁴ *Ibid.* P. 129.

⁵ Was bedeutet der Denkmalsturz? // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2003. April 17; см. также: Postel D. *Letter to America: An Interview with Jürgen Habermas* // *The Nation*. 2002. December 16.